

— Такое говорить мне — и всё в порядке? Неужели ты в этом замешан? — мягко произнёс Е Бо, глядя на Юаньцзи с нежной, едва ли не трепетной, но в то же время проницательной и острой улыбкой.

Юаньцзи всё ждал, когда Е Бо наконец выложит всё начистоту, но вокруг стояла тишина. Неужели сейчас он собирается всё рассказать?

Черты лица Юаньцзи были тонкими, словно написанными кистью, а круглая, лишённая волос голова ярко блестела под лучами солнца. Губы его казались едва заметными, бледного оттенка.

— Обычным монахам в таком не участвовать. И бедная птица... тьфу, этот бедный монах ничего не знает наверняка. К тому же в последнее время вокруг ходят слишком упорные слухи, и соваться туда нельзя. В нынешние времена сюда почти никто не заглядывает, так что встретить восьмого принца было бы лучше всего.

Ранневесенний ветер всё ещё кусал до боли, обжигая лицо.

Е Бо провёл рукой по сияющим глазам Юаньцзи и с улыбкой произнёс:

— Юаньцзи, прости меня...

Другой рукой он поддержал обмякшее тело Юаньцзи, а ладонь, скользнувшая по его лицу и ключицам, завершилась тихим вздохом.

Силой мысли он сплёл формацию — такую, чтобы скрыт её было от посторонних глаз. А затем подхватил Юаньцзи на руки, прижимая к груди.

— Я унесу тебя туда, где нас никто не найдёт. Туда, о чём знаю только я, — прошептал Е Бо, прижимаясь щекой к щеке Юаньцзи.

Здесь всё утопало в буйной зелени: это были не робкие первоцветы ранней весны, а густая, сочная листва, больше похожая на разгар лета.

Среди этого зелёного моря обнаружился скрытый проход в пещеру — в три метра высотой, но ровно такой ширины, чтобы протиснуться лишь вдвоём. Тем не менее, со стороны казалось, что это всего лишь заросший первыми ростками холм.

Е Бо чуть повернулся боком. Его струящиеся, подобные туши волосы падали на спину, и при каждом шаге покачивались красивые округлые бёдра. Человек на его руках спал беспробудно, с сомкнутыми глазами, источая такое умиротворение, что нарушать этот покой казалось кощунством.

Е Бо с нежностью глядел на Юаньцзи. Стоило им шагнуть внутрь пещеры, как всё вокруг озарилось светом. Пространство здесь оказалось куда просторнее, чем снаружи — внутри с лёгкостью уместилось бы человек десять.

На каменной стене была высечена картина: Юаньцзи, поливающий цветы. Изображение в точности повторяло живого человека, его даже раскрасили невесть откуда взявшимися красками, и при первом взгляде казалось, что настоящий монах стоит прямо перед тобой. Но это был лишь крошечный фрагмент росписи.

Правая часть стены была почти полностью скрыта ширмой, украшенной в детском, наивном стиле: рыбки резво плескались в воде.

На берегу полулежал толстый кот, безмятежно наблюдая за плавающей рыбой.

Посреди каменной стены находилась массивная, искусно вырезанная деревянная дверь. По мере того как Е Бо приближался, она со скрипом отворилась.

Температуру внутри поддерживали на уровне идеальных для человеческого тела двадцати семи градусов. Е Бо бережно опустил Юаньцзи на огромную кровать, а затем стал поочерёдно стягивать с него монашеские одежды.

Окинув взглядом тело Юаньцзи, Е Бо задумчиво прикусил губу: всё-таки стоило бы откормить его ещё немного.

Наклонив голову, Е Бо гадал, какое выражение появится на лице Юаньцзи, когда тот проснётся. Больше всего на свете ему не хотелось видеть на этом лице какие-то чуждые эмоции — лучше всего, если в его глазах будет привычное спокойствие.

— Такой послушный, когда ты вот такой. Только жаль, что с наступлением ночи мне снова придётся превращаться в одеяло, упуская столько прекрасного времени. Впрочем, проснёшься ты уже совсем скоро, а чтобы ты спросонья не натворил глупостей, мне приходится поступить так.

Слегка согнув палец, он пощекотал Юаньцзи по щеке, затем игриво наклонился и лизнул его в уголок губ, позволяя мягкому влажному языку разжать чужие губы.

Похозяйски исследовав рот Юаньцзи, он на прощанье легонько прикусил его губу и, глядя на то, как она слегка припухла, удовлетворённо отстранился.

— До чего же сладкий, — прищурился Е Бо, похожий на досыта наевшегося котенка.

Секреция Е Бо вырабатывала четыре разные жидкости, действовавшие в зависимости от обстоятельств. Они обладали силой пробуждать страсть, нести гибель, успокаивать или

разжигать жадность.

Юаньцзи он передал состав, именуемый успокоением — чтобы, очнувшись, тот мыслил яснее, вместо того чтобы слепо предаваться гневу.

— Думаю, эта штука тебе непременно понравится. Я потратил на неё полдня духовной силы и добрых полчаса работы.

Говоря это, он достал из прикроватной тумбочки тонкую цепочку.

Цепью её назвать было сложно — она оказалась невесомой, почти не ощущавшейся в руке, и совсем тонкой.

Судя по материалу, это был самый обычный металл холодного серого отлива, но узор на звеньях поражаёл воображение: крошечные котята, щенки, барашки переплетались в затейливый орнамент.

И тем не менее прочность этой цепи была такова, что даже годы упорных тренировок не позволили бы разорвать её. К счастью, сама цепь оказалась длинной — целых пятнадцать метров, как раз чтобы дойти до уборной в дальнем углу.

Бережно, как величайшую драгоценность, Е Бо взял руку Юаньцзи и защёлкнул на запястье это прекрасное украшение.

Когда Юаньцзи пришёл в себя, первое, что он увидел — это распущенные волосы Е Бо, который полулежал на кровати в небрежно распахнутых одеждах и глядел на него с плутовской улыбкой во взоре, источая все признаки греховной усталости.

— У меня тут есть кое-какое угощение, шарики из батата. Хочешь попробовать, Юаньцзи?

Юаньцзи едва не скривился. Неужели этот Е Бо и тот прежний Е Бо — один и тот же человек? Тяжело же пришлось бедняге Е Бо в последнее время.

Не дожидаясь ответа, Е Бо сунул ему в рот бататный шарик.

— Ну же, хороший мой, вкусно?

Вкусно ли — какая разница, если тебя всё равно кормят насильно?

Во рту остался долгий аромат, сладость была умеренной, ничуть не приторной — и впрямь невероятно вкусно. Тем не менее Юаньцзи нахмурился, поднимая руку и разглядывая металлическую цепь. В мыслях мелькнуло отчётливое понимание: похоже, дело дошло до

настоящего заточения. Впрочем, оставалось надеяться, что дальше этого не зайдёт.

Цепь действительно оказалась лёгкой и длинной, и Юаньцзи принялся озираться по сторонам, изучая обстановку.

Е Бо не сводил с него глаз, с тихим ожиданием наблюдая, как Юаньцзи инспектирует плоды его собственных трудов.

Кровать оказалась просторной — на ней запросто поместились бы втроём, а справа пространство отгораживала глухая каменная стена.

Переведя взгляд вперёд, он заметил массивный стол и стулья из красного дерева, а рядом — детскую кроватку со всеми аккуратно заправленными постельными принадлежностями, словно всё было готово к встрече маленького хозяина.

Слева располагались дверь и платяной шкаф, ничего примечательного. По правде говоря, дизайн этого помещения у Юаньцзи не вызывал никакого восторга.

Обителю Е Бо служил Монастырь Болинь, где отроду не было никаких архитектурных новшеств. Убранство комнаты в точности копировало кельи мирян при Монастыре Болинь.

— Благодетель Е Бо, бедный монах не понимает, что происходит. И всё же спешить с выводами не стоит. Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Сердце Е Бо радостно заколотилось — такой рассудительный Юаньцзи нравился ему больше всего на свете, ему так и хотелось выложить всё разом, от начала и до конца.

Однако, памятуя о душевных силах Юаньцзи, он произнёс:

— Юаньцзи, успокойся и выслушай меня не спеша, я расскажу тебе всё с самого начала.

Я родился среди первозданного хаоса. Когда ко мне впервые пришло осознание, тебе было лет семь или восемь. Вы, совсем ещё маленькие послушники, спали рядышком. Ты вставал раньше всех, натягивал крошечную одежду и начинал неуклюже меня расправлять, складывая в аккуратный квадратный свёрток — для меня это было поистине мучительно. По этому описанию можешь ли ты догадаться, кем я был?

— Ты... то самое одеяло, которым я всё время укрывался?

Е Бо тихо рассмеялся и подтвердил:

— Да.

— И как же ты обрёл разум? Неужели... из-за капли крови из моего сердца?

Беседа затянулась больше чем на час. Е Бо наблюдал, как лицо Юаньцзи сменяет выражение шока на безмятежность, затем снова на потрясение и испуг, пока всё не завершилось слабым, бессильным вздохом.

Монах лишь обронил, что устал и хочет отдохнуть, попросив дать ему время всё обдумать и переварить.

Е Бо кивнул. Прямо на глазах у Юаньцзи он обернулся серым одеялом и, плавно извиваясь, накрыл им Юаньцзи с головой.

Конечно, Юаньцзи не был испуган по-настоящему — вся эта буря эмоций изображала лишь ту степень шока, которую подобало испытать человеку в подобной ситуации.

На самом деле Е Бо был из тех, кому хватало крошечной щепотки лажности, чтобы радоваться целый день, и ранить его сердце Юаньцзи вовсе не хотел.

Юаньцзи ворочался на постели с боку набок, но в конце концов не выдержал, приподнялся, дёрнул край одеяла и спросил:

— Ты хотя бы знаешь, когда родится этот ребёнок?

Тут же одеяло вновь приняло человеческий облик. Поза, в которой появился Е Бо, оказалась до крайности смущающей: если прежде он хотя бы носил какую-то одежду, пусть и небрежно расстёгнутую, то теперь предстал перед Юаньцзи совершенно голым, лениво развалившись на постели. В его взгляде плавился густой мёд, отчего уши Юаньцзи помимо его воли окрасились в ярко-розовый цвет.

— Чего ты... разделся? Будда говорил...

Указательный палец Е Бо лёг на губы Юаньцзи:

— Ты уже нарушил обеты. И помни изречение: «Цвет — это пустота, пустота — это цвет». К тому же одежда соткана из моей духовной энергии.

Что же до ребёнка... осталось всего четыре дня. Я даю тебе четыре дня на подготовку, и до тех пор, пока ты не предашь меня, я во всём буду следовать твоей воле...

Не дав Юаньцзи опомниться, он крепко прижал его к себе.

Объятия Е Бо источали уют, чистоту и солнечное тепло.

— Ты держишь меня слишком крепко, — попытался вырваться Юаньцзи.

Только тогда Е Бо резко ослабил хватку.

— Ты услышал мои слова? — глядя на пухлые щёки Юаньцзи, мрачно произнёс Е Бо, а затем добавил с угрозой:

— Спасти одну жизнь — всё равно что построить семиэтажную пагоду. Для тех, кто ушёл в монахи, убийство — тягчайший грех, и уж тебе ли не знать об этом лучше всех. Е Бо всё ещё немного тревожился, и это отчетливо слышалось в его словах.

Юаньмань находил такого Е Бо весьма забавным, но в конце концов всё же сдержал желание подразнить его.

Поскольку тот был настроен серьезно, шутить тут не стоило, да и он сам не мог позволить себе такие игры.

У него ведь имелся лучший из возможных выбор, к чему было нарочно нарываться на неприятности и испытывать тревогу Е Бо?

— Знаю, я рожу его. Просто в моем сердце остался один барьер, который я никак не могу перешагнуть, к тому же я хочу вернуться в монастырь. Но это же не повод приковывать меня цепями!

Лишь после этого лицо Е Бо заметно посветлело, и на нем появилась открытая улыбка, в которой не осталось ничего от прежнего зловещего очарования. Однако с последними словами Юаньманя он был категорически не согласен.

— Об этом можешь не беспокоиться. Я отправлю тебя обратно, но не сейчас. Я буду рядом, и совсем скоро ты увидишь ребенка. Когда сможешь за ним приглядывать, тебе будет гораздо проще справиться с тем, что на душе.

Е Бо казался в этом вопросе совершенно уверенным.

Юаньмань мысленно фыркнул: с чего это этот мужчина вообще решил, будто после рождения ребенка на душе сразу станет легко?

Словно желая успокоить Юаньманя, Е Бо снял с его рук оковы.

— Раз уж я буду с тобой, в этом больше нет нужды приковывать тебя. Но на ночь надевать их всё равно придется.

Он отстегнул цепь и сунул ее обратно в тот шкаф.

— А где одежда бедного монаха? Твое облачение ни то ни сё, выглядит совершенно неподобающе. Разве можно носить такое на теле?!

Словно только что оправившись от потрясения, вызванного всеми этими грандиозными событиями, он лишь спустя долгое время вспомнил о необходимости сменить наряд.

Прежняя монашеская одежда Юаньманя была отброшена в сторону, а вместо нее на нем красовалось тонкое полупрозрачное платье из марлевки, да еще и розовенькое. Раньше

Юаньмань как-то не обращал внимания на то, во что одет, но теперь, взглянув на себя, почувствовал лишь головную боль.

— У меня припасена только такая одежда, не веришь — сам посмотри?

С грацией во всех движениях он подошел к гардеробу. Помимо детских вещичек, внутри обнаружились исключительно такие вот марлевые платья самых разных оттенков, за исключением мрачных тонов.

Кажется, там собралась вся палитра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, сине-зеленый и фиолетовый.

— Ты же говорил раньше, что одежда создается силой духовной энергии? Тогда ты вполне можешь сотворить для меня нормальный наряд.

Глядя на внезапно прозревшего Юаньманя, Е Бо не изменился в лице и нагло солгал:

— Я бы и рад, но подобные вещи — материализация одежды — действуют только на меня. Это как с едой: ты должен есть, но пища попадает лишь в твой собственный желудок.

Сейчас Юаньмань чувствовал себя скверно. Разве можно верить в подобную чушь?

Бредовые рассказы! Но в такой ситуации стоило ли ему потакать словам Е Бо или лучше воздержаться? Этот человек и впрямь вел себя чересчур нагло.

— Амиабха, тогда не мог бы ты сходить наружу и купить какой-нибудь нормальной одежды?

Юаньмань притянул к себе единственное оставшееся в комнате одеяло и укутался в него.

— Ну, разумеется, могу.

Слегка приподнятые уголки губ Е Бо невольно опустились. В глубине души он вовсе не хотел этого: розовая тонкая сорочка сидела на Юаньмане просто великолепно, а вот другие наряды ему бы явно не понравились.

Подобную тяжелую одежду полагалось носить лишь на улице, а здесь, рядом с ним, в этом не было никакой необходимости.

— Если я уйду, то просто не удержусь и снова прикую тебя, — произнес Е Бо, подходя вплотную к Юаньманю и пристально глядя на него.

Под таким взглядом Юаньмань невольно отвел глаза в сторону.

— Если ты молчишь, я сочту это за несогласие. А раз ты не согласен, я не смогу купить тебе одежду.

Вместо того чтобы тратить время на покупку нарядов, было куда лучше остаться и просто любоваться Юаньманем.

— До чего же ты за человек, не хочу с тобой больше разговаривать. Приковывай, раз так, и ступай уже за одеждой.

— Ладно, води себя послушно, а я вернусь и принесу твоих любимых лакомств.

Е Бо вовсе не рассердился и, кивнув, слегка улыбнулся.

Убедившись, что Е Бо исчез из комнаты, Юаньмань наконец опустился с кровати на пол.

Цепи на руках не были тяжелыми, так что при движении не возникало никакого лишнего дискомфорта — неужели в этом тоже заключалась забота Е Бо?

Тем временем, оказавшись снаружи, Е Бо обнаружил, что это место располагалось прямо на территории монастыря Болинь, просто было хорошо спрятано от посторонних глаз, и обычные люди сюда никогда не заходили.

Вышедший наружу Е Бо был облачен в одеяния, подобающие мирянину.

Он держался изящно и воодушевленно, в его манерах проскользнуло редкое оживление, придававшее чертам лица особую притягательность.

И все же в его облике теперь сквозило чуть больше серьезности.

Пожалуй, именно так Е Бо выглядел всегда, когда держался с максимальным достоинством во время визитов в монастырь Болинь.

Усыпанная мелкой галькой дорожка ровно вилась среди лесных зарослей, выводя к простоте и естественности великого Дао.

Пройдя немного вперед, он заметил впереди настоятеля, который в сопровождении статного и величественного мужчины о чем-то ему рассказывал и направлялся как раз в ту сторону, где стоял Е Бо.

Увидев идущего впереди настоятеля мужчину, Е Бо качнулся вправо.

У него была отличная память, и он сразу узнал того самого мужчину, чей экипаж несколько месяцев назад на огромной скорости промчался по дороге во время сбора подаяний, — человека, которого в карете называли господином премьер-министром.

Свита была небольшой: всего пять человек, включая настоятеля и его самого, а также трое охранников. Те отличались суровым и мужественным видом, с первого взгляда было ясно, что перед ним не простые люди.

Для здешних глухих мест подобная процессия не казалась слишком броской, но осанка и благородная внешность выделялись до крайности.

Шедший впереди господин премьер-министр был облачен в длинный фиолетовый халат с вышитыми зелеными узорами, поверх которого накинули распашную накидку из блестящего шелка цвета слоновой кости. Лицо его выражало недружелюбие, тонкие губы были плотно сжаты.

Заметив впереди Е Бо, премьер-министр слегка приподнял брови и, крутанув нефритовую кольцевую печатку на пальце, произнес:

— Это еще кто такой? Лицо довольно смазливое, только вот правил совсем не знает.

Заметив на Е Бо явное монашеское облачение, премьер-министр слегка нахмурился:

— Настоятель, я ведь помню, что говорил: в эту часть обители никому из монахов приходить

нельзя.

Настоятель внутренне содрогнулся и поспешно объяснил:

— Этот человек — постоянный мирянин-послушник. Вероятно, когда передавали распоряжение, его не было в келье, и он не присутствовал на утренних занятиях, вот и забрёл сюда по неведению. Поскольку об этом деле нельзя распространяться слишком широко, его незнание вполне простительно.

— Послушник? Не знал? Впрочем, неважно, я человек очень занятый. Ло И, отведи этого мирянина за пределы этой зоны и заодно объясни, куда заходить возбраняется.

Хотя ради встречи юного принца всё старались максимально упростить, чтобы не привлекать лишнего внимания и путешествовать скрытно, присущие благородство и стать невозможно было скрыть ничем — точно так же, как непреклонный блеск в глазах этого стражника.

Именно поэтому премьер-министр вовсе не собирался наряжаться в одежды простолюдина — да он и не привык к ним. Куда лучше было открыто и без стеснения демонстрировать свое богатство.

Да, именно богатство: перед внешним миром он выступал в роли купца, торговца, вернувшегося из дальних странствий.

Ло И был лишь одним из телохранителей, привезенных премьер-министром, причем внешне самым непримечательным.

Е Бо послушно последовал за Ло И за пределы этой запретной зоны, выслушав всё, что тот должен был сказать.

Бросив на прощание предупреждающий и холодный взгляд, Ло И стремительно вернулся назад.

— Это Юаньцзи, — настоятель оттолкнул дверь.

Внутри сидел восьмилетний ребенок в роскошном шелковом халате цвета молодой зелени, с нефритовой подвеской на поясе.

Юаньцзи сидел, сложив руки и опустив взгляд, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Услышав скрип открывающейся двери, мальчик тут же вскочил, вскинул голову и, глянув на настоятеля, с тревожным видом произнес:

— Настоятель, я никак не привыкну к этой одежде.

Она была слишком мягкой.

— Пятый принц, я здесь по приказу, чтобы забрать вас.

Премьер-министр шагнул в комнату и беглым взглядом окинул помещение, на самом деле подмечая каждую мелочь вокруг.

Юаньцзи выглядел немного коренастым, с круглой головой и совершенно простодушным выражением лица. Увидев роскошно одетого мужчину, он заметно встревожился, несмотря на то что губы гостя трогала приветливая улыбка, а лицо казалось доброжелательным.

Но стоило тому заявить о необходимости уходить, как мальчик невольно посмотрел на настоятеля.

Настоятель лишь молча кивнул, заметив испуганный взгляд Юаньцзи.

Убедившись, что премьер-министр не возражает, он подошел к мальчику и морщинистой рукой принялся ласково гладить его по голове.

Настоятель мягко произнес:

— Не бойся, они за тобой пришли, чтобы отвезти домой.

— Но я не хочу уходить от настоятеля и покидать монастырь Болинь! Мне нравится зелень деревьев и цветов перед Павильоном Хэсю. Еще мне нравится вместе с Юаньси читать утренние молитвы и подметать дорожки.

— Пятый принц, в твоём доме тоже есть деревья, цветы и друзья, с которыми можно играть. К тому же ты будешь учиться в Тайсюэ. Там наставники станут преподавать тебе науки: от Дао дэ цзин до Цзо чжуань и Чунью. Это невероятно увлекательно. Поедешь со мной?

Юаньцзи перевел взгляд с премьер-министра на настоятеля.

На самом деле еще несколько дней назад он знал, что за ним кто-то приедет, и настоятель лично навещал его, принеся с собой комплект прекрасной одежды.

Он чувствовал себя совершенно растерянным перед лицом всех этих перемен, хотя ему еще несколько дней назад твердили, что за ним придут родные отец и мать.

Он всё равно толком не понимал: если его решили забрать и на самом деле не бросали, то почему он столько времени провел здесь?

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао...

Он всегда знал, что жизненный путь изменчив, но никак не ожидал, что всё случится так быстро.

Встретившись взглядом с твердым взором настоятеля, мальчик словно в одно мгновение всё понял.

Настоятель хотел, чтобы он ушел...

Е Бо едва переступил порог лавки, как принялся критически осматривать одежду: слишком много ткани — не годится, слишком мало — Юаньмань снова будет недоволен.

В конце концов, проявив изрядную придирчивость, он выбрал белоснежный наряд, в котором всего было ровно столько, сколько нужно.

Среди зеленеющих деревьев стоял мужчина, купавшийся в мягком золотисто-оранжевом свете заката.

Его подбородок был слегка приподнят, глаза прищурены, а из-под ресниц струилось сияние, напоминающее блеск далеких звездных рек.

<http://bllate.org/book/22156/2307888>